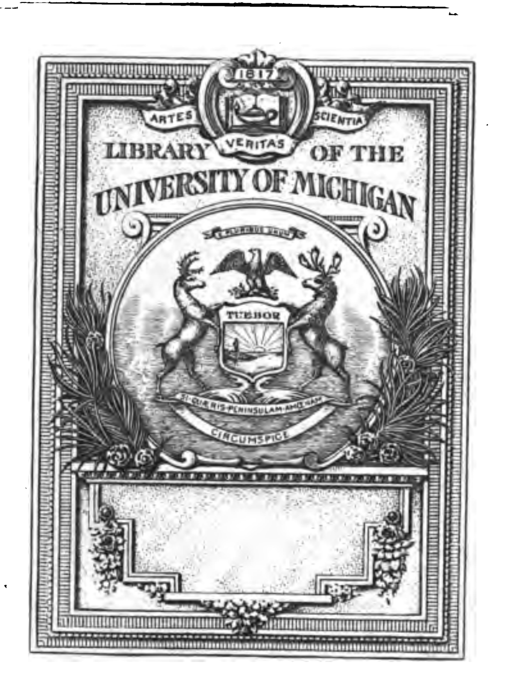



1817
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE



ДУШЕНЬКА.

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
При Императорской Академіи Наукъ, 1809 года.



ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнымъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать Душеньку; а потомъ общее единоземцовъ благосклонное о вкусѣ забавъ моихъ мнѣніе, заставило меня отдать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и писменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Приемля ихъ съ должною благодарностію, не питаюсь самолюбіемъ столь много, чтобъ не могъ возчувствовать моего недостаточества, при выраженіяхъ одного неизвѣстнаго,

которому, въ вѣжливыхъ стихахъ его, угодно было сочиненіе Душеньку назвать твореніемъ самой Душеньки. Предки мои, служивъ вѣрою и правдою Государю и Отечеству, съ простымъ въ Дворянствѣ добрымъ именемъ, не оставили мнѣ примѣра, вознести себя выше обыкновенной тлѣнности человѣческой. Я же, не будучи изъ числа учрежденныхъ писателей, чувствую, сколько обязанъ многихъ людей благодушію, которымъ они замѣняютъ могущія встрѣтиться въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

I. Богдановичъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, на помощь призываю,
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ приятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль
Коснуться щастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Ѳебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь Парнасъ,
Отъ взора твоего, растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишъ труды,
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О ты певецъ Боговъ,
Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Коль выкройкою словъ себя не безпокою,
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
Доволенъ мыслію простою,
Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою,
На разный образецъ крою,
И малой мѣры и большія,
И часто римѳы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А естьли отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя,
Приятно разсмѣялась Клоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,



Другимъ языкомъ съ нами.
В сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ приятности явили,
Перомъ ихъ кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни;
Но естьли подражать ихъ слову не возможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобно тѣнь представить осторожно,
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

Въ старинной Грецiи, въ Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь,
И естьли пожелалъ, былъ Богъ, имѣлъ олтарь,
Межъ многими Царями
Одинъ отличенъ былъ,
Число военныхъ силъ,
Умомъ лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и алчны такъ, какъ волки иль медвѣди:
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ Исторiю Назонъ;
Извѣстно гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣлá, и за кривые толки,
Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.

Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ,
И былъ Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ;
Достойно осуждалъ,
И естьли находилъ въ подсудныхъ звѣрски души,
Такимъ Ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ сурову щеть, съ когтями въ прибыль ногъ,
Инымъ ревучій зѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора быль глотаетъ,
Архива многихъ дѣлъ давно истреблена,
Но образъ правъ его сохранно почитаетъ
И самый поздный свѣтъ, по наши времена.
Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ труждаться,
Чтобъ щастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться.
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь, давалась та же спѣсь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ.

Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.
Такая видима была,
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на Масленой, въ торжественномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.
И словомъ,
Въ своемъ уставѣ новомъ,
Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонравны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колпаки,
По коимъ ихъ тогда скорѣе узнавали,
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По доброму суду, уставъ сей былъ не строгъ,
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.
Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писатель,
Который истинну не рѣдко обнажалъ,
Овидій въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
Подробно описалъ,
У Грековъ какъ дотоль бывали казни часты.

Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
Во стадо обезьянъ,
Льстецы, за низость душъ, въ лягушки,
Непостоянные въ вертушки,
Болтливые въ сорокъ,
Жестокосердые во мраморный кусокъ;
Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
За алчну злобу ихъ,
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ,
Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
Когда бы только Царь,
Дурную въ свѣтѣ тварь,
Рядя въ дурныя маски,
Наказывалъ стыдомъ.
Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни,
Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь при томъ,
Друзей изъ доброй воли,
Откушать хлѣба соли
Зывалъ въ свой Царской домъ.
О естьлибъ ты Омиръ проснулся!
Храня твоихъ героевъ честь,
Которы забывая месть
Любили часто пить и ѣсть,
Тыбъ слыша стихъ мой ужаснулся.

Что слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ, дерзнулъ я на конецъ,
Подобиться, стиховъ отецъ.
Возможноль изъявить достойно,
Великолѣпіе пировъ,
У Царскихъ Греческихъ Дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тязать,
Поѣсть, попить и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за добрый нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
Явилося къ нему посольство.
Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей,
За то что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей.
Но солнце, въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей;
И словомъ ничего, въ подобномъ видѣ ей,
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому что, въ множествѣ вѣковъ,
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь,
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Рускихъ, Душенька она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда,
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Какое было ново.
Во славу душенькѣ, у насъ, отъ тѣхъ временъ,
Поставлено оно народомъ въ Лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь, въ своемъ законѣ.

Но часто похвалы
Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы,
Презорна спесь не любитъ,
Когда повсюду трубитъ,
Прямую правду въ слухъ.

Болтливая Богиня Слава.
Чужая честь, чужія права,
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Какъ весь Цитерскій міръ, и вся его округа,
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали,
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы твоей не знала ты печали!

Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Оставивъ прелести Венеры,
Бѣжитъ толпою изъ Цитеры.
Богиня обтекая дворъ,
Куда ни обращаетъ взоръ,
Не зритъ ни жертвъ, ни ѳиміамовъ,
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.
Сады Богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей свистѣли въ стыдъ.
Непостоянныя амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ натуры

Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхонули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей царицы,
Вездѣ уныніе несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала наконецъ Богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину въ кругѣ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ худамъ подвержена была.
При томъ злорѣчивые духи,
О ней худые сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали иль просили,
Во угожденіе Богинѣ доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;

И что кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно.
Но что бы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,
Собравъ Венера ложъ и всяку небылицу,
Велѣла наскоро, въ дорожну колесницу,
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить,
И наскоро летитъ Амура навѣстить.
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просила ли ево иль такъ или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

„Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и славу,
„Яви свой судъ, яви управу,
„Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
„Простая смертная, ругаяся Богами,
„Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
„Уже и нашими слугами
„Осмѣлилась повелѣвать,
„И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
„Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
„Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно.
„За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
„Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,
„И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
„Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
„И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:

,,Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
,,Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
,,Какой ты будешь Богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
,,Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
,,Который у тебя отымешъ лукъ и стрѣлы,
,,И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
,,Ты знаешь сколь сыны Юпитеровы смѣлы:
,,По волѣ ходятъ въ небеса,
,,И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
,,И можно ли терпѣть, что Душенька собою,
,,Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
,,Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
,,Она давно уже смѣется надъ тобою,
,,И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
,,За честь свою, за честь Венеры:
,,Яви ты строгости примѣры,
,,Содѣлай Душеньку постылою во вѣкъ,
И столь худою,
И столь дурною,
,,Чтобъ всякой отъ нея чуждался человѣкъ;
,,Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ сыскался хуже,
,,Что бы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
,,И мучилабъ себя
,,Жестокаго любя;
,,Чтобъ тѣмъ краса ея увяла,
,,И что бы я покойна стала,,.—

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сію просительную рѣчь.
Хотя Богинь онъ вѣдалъ свойство,
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою прогнѣванную мать,
И ей въ послѣдокъ обѣщать,
За дерзость Душеньку порядкомъ постращать.
Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули, и смѣхи содрогнулись,
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,
Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла:
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ приятно,
Сама рядила путь во островъ свой обратно;
И для отличности такого торжества,
Явила тутъ себя во славѣ божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
Съ прохладнымъ роздыхомъ, порозжую назадъ.
Богиня учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ Дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.

Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной во кругъ ея ныряетъ,
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ,
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На Китѣ въ переди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И что бы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ,
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ приятность обновляетъ

И радость на ея челѣ.
О! естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Изчезнетъ сей призракъ, какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь нещастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ Богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркой лучь,
Пуская къ верьху водный ключь.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ бывьми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другіяжъ на струяхъ несясь,
Пыщатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ любимыхъ Флорой
Подносятъ ей цвѣтошну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала,
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,

Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благоприятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей нà ухо свиститъ.
Иной пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средъ водъ.
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;

И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

е въ долгомъ времени пришла къ Богинѣ вѣсть,
торую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
о бѣдство Душеньки преходитъ всяку мѣру;
ю Душенька уже оставлена отъ всѣхъ;
что вздыхатели какъ будто ей въ посмѣхъ,
тъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
и къ отцу ея въ дворъ хотя являлись,
днако въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись,
И къ ней не подходили вблизь,
только издали ей низко поклонялись.

Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ,
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели Боговъ,
О томъ имѣли разны споры.
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры.
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ ни сякъ:

Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали.
Во Греціи, сначала вѣкъ,
Простой народъ тогда въ печали
Къ Венерѣ вопіять притекъ:
За что Судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны?
Извѣстно, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину;
Явила Греціи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь,
За что противъ себя воздвигла вышню месть;
И съ видомъ грознымъ и суровымъ,
Царевымъ сродникамъ велѣла быть готовымъ
Еще къ нещастьямъ новымъ,
Предвозвѣщая имъ, на будущіе дни,
Бѣды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки.

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней приятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,

Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
ые подняли на смѣхъ ея олтарь,
Другіе стали горько плакать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.
ые Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
гда во стыдъ Богинь ее боготворили;
что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
ревнѣжъ тѣ слова хотя и лѣстны были,
Но были бы милѣй
огда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но въ тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ,
Къ Амуру вопіяла:

,, Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
,,За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
,,Давно ли всѣ меня искали?
,,Давно ли всѣ меня ласкали?
,,Въ побѣдахъ я вела часы,
,,Могла плѣнять, любить по волѣ

„За что теперь въ нещастной долѣ?
„Къ чему полезны мнѣ красы?
„Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„Одна лишь я ни съ кѣмъ подружка,
„Не бывъ дурна, не бывъ лиха.
„Одной ли мнѣ любить зазорно?
„Но естьли щастье толь упорно,
„И такъ судили небеса,
„То лучше мнѣ идти въ лѣса,
„Оставить всѣхъ людей отнынѣ,
„И кончить слезну жизнь въ пустынѣ„.

Межъ тѣмъ какъ Душенька, тая свою печаль,
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ уйти сбиралась въ даль,
Они ея бѣдой не менѣе крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и Боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ.
Въ послѣдокъ сродники совѣтовавъ рѣшились,
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ, въ порядочныхъ стихахъ,
И къ нимъ Жрецы пророки
Прибавили еще свои для толку строки;

, тѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безтолковъ,
И слово въ слово былъ таковъ:

Супругъ для Душеньки назначенный Судьбами,
Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ,
Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
И часто рветъ сердца, питаяся слезами,
И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ:
Стрѣляетъ, ранитъ, сжетъ, оковы налагаетъ,
Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,
И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
,Судьбы и Боги всѣ, опредѣляя такъ,
,Сыскать его даютъ особо вѣрный знакъ:
,Царевну пусть везутъ на самую вершину
,Невѣдомой горы, за тридевять земель,
,Куда еще никто не хаживалъ досель,
,И тамъ ее одну оставятъ на судьбину,
,На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину.,,

Такой отвѣтъ весь Дворъ въ боязнь и скорбь привелъ,
Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ.
О праведные Боги!
Возможноль чтобы вы толико были строги?
И естли въ томъ какая стать,
Чтобъ Душеньку на вѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому никто не вѣдаетъ дороги,
Родные тако всѣ гласили во слезахъ?

И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищь злыхъ привязки,
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко гортани раззѣваютъ,
И что притомъ у нихъ видаютъ
И семь головъ и семь роговъ,
И семь иль болѣе хвостовъ.
Отъ страховъ таковыхъ родные возмущались;
Потомъ, безъ дальныхъ словъ,
Завыли множество различныхъ голосовъ,
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣе прощались.
Не знали только гдѣ былабы та гора,
Къ которой Душеньку отправить надлежало;
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ да мало.
Въ которой сторонѣ? далечель отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору?
И какъ зовутъ такую гору?
Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?
И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать ей конечно на Парнасъ.
Они наслышались, что нѣкоторы Музы

Имѣли съ ней союзы,
Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,
И таинства красотъ Парнаскихъ разумѣть;
Но тѣ которые Исторію читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ вѣкъ,
И никакой туда не ходитъ человѣкъ;
Что тамъ не льзя найти ей мужа,
Къ томужъ отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хоть тамъ дороги святы,
Нерѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли Душеньку во Африку вести,
Гдѣ вѣдали, что есть чудовищи въ чести;
При томъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Хотѣли именно вести ее къ Атласу,
Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили что, по сей примѣтѣ,
Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.
Тогда смѣлѣйшіе изъ плачущей родни
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что Душеньку легко тамъ могутъ змѣи скушать,
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громогласно всѣ, безъ дальняго суда,
Воскликнули тогда:

Что участь Душеньки Оракулъ самъ не вѣдитъ,
И что Оракулъ брѣдитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ,
Родня Царевнина и паче Царь отецъ,
За лучше ставили, Боговъ противясь власти,
Терпѣть гоненія и всякія напасти,
Чѣмъ Душеньку вести
На жертву безъ пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль можетъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
Она прискучивъ жить съ родными безъ супруга,
Искала наконецъ себѣ такого друга
Ктобъ ни былъ, гдѣ нибудь;
И чтобъ роднымъ была видна ея услуга,
Въ рѣшительныхъ словахъ, сама сказала имъ:
„Я васъ должна спасать нещастіемъ моимъ.
„Пускай свершается со мною вышня воля,
„И естьли я умру, моя такая доля.„

Межъ тѣмъ какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
И Царь и весь совѣтъ пустились плакать снова,
И въ скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
Въ первые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу могъ:

Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
И память потерявъ валялась какъ безъ ногъ;
Иль въ горести, теряя мѣру,
Ругала всячески Венеру;
Иль крѣпко въ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всѣмъ своимъ клялася родомъ,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститъ дочери оттуда.
Хотяжъ кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амуръ, Судьбы и Боги,
Оракулъ и Жрецы, родня, отецъ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ,
Оракулъ въ Греціи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ,
Дабы сбывалось то не ложно,
Что только предсказать возможно.

Царевна оставляетъ градъ:
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.
Куда? отъ всѣхъ то было тайно.

Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно:
Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее прилично снарядили,
И въ колесницу посадили,
Пустя по волѣ лошадей,
Безъ кучера и безъ вождей;
„Судьба, сказала, будетъ править,
„Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
„Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
„ Гдѣ должно вамъ меня оставить„.

По таковымъ ея словамъ,
Не долги были сборы тамъ.
Готова колесница,
Готова Царска дочь и вмѣстѣ съ ней Царица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ ее безъ поводовъ,
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальный,
Былъ Царевъ порядокъ погребальный.

Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи,
При самомъ свѣтѣ дня подобно какъ въ ночи.
Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музыкой,
Унывный пѣли стихъ, въ протяжности великой.
Шестнадцать человѣкъ, не много тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать.
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица мать,
Дорожный туалетъ, гребіонки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
По томъ въ парадѣ шелъ Жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою.
Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный толкъ,
И всякъ желалъ при томъ скорѣй дойти къ покою.
За ними шелъ Синклитъ, и всякъ высокій чинъ.
Въ послѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки,
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу Царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ,
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ

Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
С Царевной шелъ въ походъ.
Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая куда везутъ и дочь и мать;
Другіе же по виду мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать.
Иные по пути сорили
Предъ нею вѣтьви и цвѣты;
Другіе тутъже гимны пѣли,
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли;
Другіежъ Божествомъ
Царевну называли,
И возвратяся въ домъ
За диво возвѣщали.
Вотще Жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отвесть
Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Венеры вредъ,
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно,

За Душенькою въ слѣдъ,
Усердно и умильно.

У[illegible] нѣсколько недѣль,
[illegible] они за тридевять [illegible],
Но ни единаго пригорка не видали;
И кои болѣе устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Въ послѣдокъ ѣдучи, путемъ и вдоль и вкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тутъ сами лошади остановились вдругъ,
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили;
Признаки тѣ Жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ Богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля въ верхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры, и чрезъ глубоки рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
И хоть Жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ,

Но всѣ, при каждомъ шагѣ,
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верьху крутизны,
И къ бе[illegible]уойны,
[illegible]зъ вида и безъ мѣры.
Инымъ являлись тамъ Мегеры,
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.
Таковъ былъ путь, куда Царевна торопилась,
Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехтя толпилась.
Осталась позади одна Царица мать,
Не могши далѣе полугоры шагать,
И съ Душенькой на вѣкъ, поплакавъ тамъ, простилась.
При трудностяхъ тогда Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась;
И многіе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ,
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхватъ Драконы пожирали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,

И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можноль описать перомъ
Царя тогда съ его Дворомъ,
Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насидьно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,
И въ воды скрыться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,
Покрылось чернымъ покрываломъ,
И темнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
Тогда и Царь скорей предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
Представить страхъ, какой являла вся природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И словомъ вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей.
Тутъ все что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала,
И что въ чудеснѣйшихъ Исторіяхъ читала,
Представилось ея смущенному уму.
Страшилища духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказавъ кому,
Какъ вдругъ чудесна сила.
На крылѣхъ вѣтреныхъ, взнесла ее надъ міръ.
Невидимый Зефиръ,
Ея, во оный часъ, щастливый похититель,
И спутникъ и хранитель,

Неслыханну дотоль увидѣвъ красоту,
Запомнилъ Душеньку увѣдомить съ начала,
Что къ ней щедротна власть тогда повелѣвала
Ее, съ почтеніемъ, восхитить въ высоту;
И мысли устремивъ къ особенному диву,
Взвѣвалъ лишь только ей покровы на лету.
Увидяжъ Душеньку отъ страха еле живу,
Оставилъ свой восторгъ и страхъ ея пресѣкъ:
Сказалъ ей, съ тихостью приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги,
Что къ ней полки духовъ
Назначены въ услуги,
И что онъ самъ упасть къ ногамъ ея готовъ,
И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостьми очесъ,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали.
Не въ долгомъ времени, Зефиръ ее вознесъ
Къ незнаемому ей селенію небесъ,
Поставилъ средь двора, и вдругъ оттоль изчезъ.
Какая Душенькѣ явилась тьма чудесъ!
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ,
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
И всюду розами усыпанны дороги;

Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней,
И съ нѣкимъ чувствіемъ ея лобзаютъ ноги.
Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ,
Сафирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы и стѣны изумрудны,
Простому смертному должны казаться чудны,
Единымъ лишь Богамъ сіи дѣла не трудны.
Таковъ открылся путь, читатель примѣчай,
Для Душеньки, когда, изъ мрачнѣйшей пустыни,
Она, во образѣ летящей въ верьхъ Богини,
Нечаянно взнеслась въ прекрасный нѣкій рай.
Въ надеждѣ на Боговъ, бодряся ихъ признакомъ,
Едва она ступила разъ,
Бѣгутъ на встрѣчу къ ней тотчасъ,
Изъ дома сорокъ Нимфъ, въ нарядѣ одинакомъ.
Онѣ старалися приходъ ея стеречь,
И старшая изъ нихъ, съ прениским ъ ей поклономъ,
Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ,
Сказала должную привѣтственную рѣчь.
Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ,
Потомъ пропѣли раза два,
Какія слышали похвальны ей слова,
И къ ней служить летятъ Амуры всемъ соборомъ.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ, то знакомъ, то словами.
Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ ее привесть или принесть;

Но Душенька имъ тутъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ,
И Смѣхомъ и Утѣхъ летающихъ вокругъ.
Читатель такъ видалъ стремливость въ пчельномъ роѣ,
Когда юничный родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Кружится, рѣзвится, журчитъ и въ даль летаетъ,
Но за царицею, котору почитаетъ,
Смиряяся, летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала духъ ли былъ, иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Отъ части предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
И много разъ о немъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или во кругъ летала,
Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
И Душенька о томъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя степени,
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;

И болѣе потомъ, высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только Боги,
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя устроивали мыла,
Какими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома бодрительная сила.
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится при томъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ
Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ что ростомъ мѣлки,

Г оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между Нимфъ, и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,
Иль паче имъ касалась,
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры, коихъ я прещастливыми чту,
Вы, кои видѣли Царевны красоту,
Зефиры, вы меня какъ должно научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите,
И части и черты,
И всѣ приятности Царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить неудобно;
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты. . .
Но здѣсь молчите вы . . . молчанье разумѣю:
Къ изображенiю Божественныхъ даровъ,
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ Боговъ;
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю.

Царевна вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствiемъ разкидывала взгляды,
На выбранны для ней и платья и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Нетрудно разумѣть, что для ея услугъ,

Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ.
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала?
Онѣ раждаются ея единымъ взглядомъ,
И по стѣнамъ предъ ней стоятъ великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
От головы до ногъ,
Легко могла судить Царевна на досугѣ,
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, видно, былъ гораздо не убогъ.
Межъ тѣмъ, къ ея услугѣ,
Въ особой комнатѣ явился столъ готовъ.
Приборы для стола и ѣствы и напитки,
И сласти всѣхъ родовъ,
Являли тамъ вещей довольство и избытки;
Не менѣе и то, что только для Боговъ,
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ она печали забывала,
Другая ей красотъ и силы придавала.
Амуры, бѣгая усердіе явить,

Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду,
Иной уставливалъ, и всякъ совался всюду;
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому изъ рукъ своихъ, домова ихъ Богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть,
И многіе предъ ней стояли ротъ разиня:
Хотя Амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались,
И болѣ нежели виномъ
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались.
Межъ тѣмъ надъ ней съ верьховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсенъ ей похвальныхъ,
Какія могъ творить лишь только Богъ стиховъ.
Въ началѣ райскія пѣвицы
Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятналь ей была
Такая похвала;
Но въ прочемъ Душенька рѣшить не возмогла,
Пріятстволь голосовъ, достоинстволь скрыпицы,
Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть.
Въ искуствѣ всѣ они имѣли равну честь,
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
Чтобъ Душенька въ раю
Познала часть свою:

Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова,
У Грековъ есть молва,
Что будтобы къ сему торжественному хору,
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбяся по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Въ послѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ маперомъ,
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И ихъ сложеніе плѣняло толь пріятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить ихъ могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору въ послѣдокъ разпустила.
Потомъ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сіи оттоль по всѣмъ концамъ земли;
Потомъже таковы и къ намъ они дошли:

„Любови всѣ сердца причастны,
„И сами Боги ей подвластны.
„Познай ты, Душенька, любовь:
„И щастіе познаешь вновь„.

Трикратно пѣсня та предъ Душенькой пропѣта,
И пѣли на конецъ Царевнѣ многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложить,
Что время ей уже въ постелѣ опочить.
При словѣ опочить, Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста обробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька, ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, какъ надобно къ покою отъ дорогъ,
Кладутъ ее въ постель, на нѣкоемъ престолѣ,
И поклонившись ей уходятъ всѣ оттолѣ.
Не знаемо откколь, тогда явился вдругъ,
Въ невидимомъ лицѣ, невѣдомый супругъ.
А естьли спросятъ какъ не видимый явился?
Нетрудно отвѣчать: явился онъ въ потьмахъ,
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ;
Какъ духъ или колдунъ, онъ былъ, но не открылся.

Никто не смѣлъ разкрыть завѣсу дѣлъ ночныхъ.
Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили,
Ни околичностей при томъ какія были;
На вѣки тайна та осталась между ихъ.
Но только по утру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшенымъ ушкомъ.

Супружество могло Царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно;
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ,
И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ иль богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ подобный бракъ.
Царевна думая и такъ о томъ и сякъ,
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала;
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.
Хотя же Душенька противнобъ разумѣла,
Касавшись до супружня тѣла,
Хотябъ казалось ей,
Изъ всѣхъ его рѣчей,
Что будто не былъ онъ страшилище очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали Боги,
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ.

И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,
Или звѣрины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лучше Душенькѣ урода токова,
Который всю страшитъ натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.

Межъ тѣмъ какъ Душенька, въ постелѣ,
Не знала какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь,
И свѣтлый видъ воспринялъ день;
Но свѣтъ тогда не могъ забавить
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сонъ, не дожидаясь ночи,
По утру вновь сомкнулъ ея прекрасны очи.
Потомъ, летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей, со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона,
Иль можно такъ сказать, прекрасна купидона,
Въ осьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.

Царевна въ ономъ снѣ, обманута мечтой,
Супруга чаетъ видѣть въявѣ,
Хватаетъ тѣнь, кричитъ: постой!
Призракъ въ востроrъ ее приводитъ,
Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
Какъ будтобъ удаляяся онъ.
Она зоветъ, бѣжитъ, и бѣглеца хватаетъ.
Сіе движеніе въ послѣдокъ прерываетъ
Ея невѣрный сонъ;
И Душенька въ рукахъ, проснувшись, ощущаетъ,
На мѣсто бѣглеца, свой спальный балахонъ.

Извѣстно что тогда супругъ, сокрывшись тамо,
Желалъ послушивать ея любовный бредъ,
Но рокъ свиданію противился упрямо,
Царевна видѣла супружній только слѣдъ,
И только было то примѣтить ей возможно,
Что онъ гостилъ у ней не ложно,
Что онъ въ отсутствіи оставилъ ей любовь,
И что любовью сей она тогда сгарала.
„Но кто таковъ былъ онъ? но кто„ твердила вновь!
И вновь тогда заснуть желала:
И сонъ опять, кружась надъ нею съ тишиною,
Спокоилъ мысль ея, пріятною мечтою,
Въ другой какъ въ первый разъ.
Не знаю долго ли мечта сія продлилась,

Но Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли,
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всемъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе;
За тѣмъ, что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдую Царевнину уставу,
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принесть забаву.

Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И тамо бѣгая, ни гдѣ не пробѣжала
Покоя, ни угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ: оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ,
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала.
Зефиры лишь одни ей слѣдовать могли,
И Душеньку вездѣ, какъ должно берегли,
Чтобъ какъ ни есть она бѣжавши не упала.

Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры,
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ,
И что смотрѣть не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла,
И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когдабъ отъ бѣгу тамъ
Въ послѣдокъ не устала.

Во отдыхѣжъ она, отъ сихъ тогда трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образы красивицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ, въ народахъ и вѣкахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея,
И множество другихъ Богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но посрединѣ ихъ въ началѣ,
На нѣкомъ вышшемъ пьедесталѣ,

Самой Царевны ликъ стоялъ,
И болѣ красотой другіе превышалъ,
Смотря на образъ свой она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой во вѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.

Конечно Душенька и долѣбъ такъ осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронза иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи Богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Желаетъ ли она узрѣть себѣ въ картинахъ?
Въ иной, Фауны къ ней несутъ Помонинъ рогъ,
И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ,

И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ,
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ,
Разитъ сурдца приятнымъ моромъ,
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишный дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Пракрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ повсюду производятъ

Въ лицѣ ея приятный смѣхъ.
А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ея различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ,
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будтобы странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
И многіе изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ,
Царевнинымъ очамъ
Торжественны, ей въ честь, встрѣчалися предметы:
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.

Во всѣхъ ты, Душенька нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша;
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ является прекраснымъ Божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали,

Сей храмъ твоихъ красотъ, Амуры соружали,
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали,
Амуры наконецъ
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различныя уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ,
И надобныль тебѣ обновы?
Увидишь что онѣ готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты,
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,
Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъбы описать подробно,
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все пленяло взглядъ
И было безподобно:
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край,
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не еюль рай имѣлъ и бытность и начало?

И естьли я сказалъ о сихъ палатахъ мало?
Конечно въ томъ меня читатели простятъ;
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Въ щастливыхъ сихъ мѣстахъ, земля была нагрѣта
Всегдашнимъ жаромъ лѣта,
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ,
Безъ всякихъ непогодъ.
Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла,
И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ дѣла:
Водить, разсказывать, иль просто забавлять.
Весь Дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла
Побѣгать, погулять;
И въ рощахъ иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,
Ея пришествіемъ Натура обновлялась.
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будтобы тогда влеченіе познали,
И тихимъ шумомъ лишь другъ друга возвѣщали,
Подъ тѣнію своей, Царевны красоты;
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день для нихъ пріятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу выросталъ.
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,

И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
Щастливый сей букетъ, приколонный на грудь,
Какъ будто оживленъ, клонился къ ней прильнуть.
Приникли хоры птицъ, подслушавъ шумъ древесный
И за Амурами стремились въ путь извѣстный,
Чтобъ Душеньку увидѣть вблизь:
Однѣ надъ нею вкругъ вились,
Другія передъ ней летали,
И много межъ собой въ семъ дивѣ щебетали.
Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ птицъ,
Ниже угрюмыхъ лицъ;
Не смѣли приставать сварливые Сатиры,
И вѣяли одни тишайшіе Зефиры.
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И естьли Душенька въ близи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ плескаючись Наяды;
Не терпѣливо ждали тамъ
Ея пришествія къ щастливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлѣзли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, главы свои поднявъ,
И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ.
Въ семъ общемъ торжествѣ Натуры,
И самы каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,

Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ,
Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ:
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четверногихъ,
И всѣ творенія и чуды Естества,
Явилися тогда, въ щастливой сей державѣ,
Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,
Иль къ славѣ торжества.
Оттуда шла она въ покрытыя алеи,
Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.
При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новыя художныя затѣи.
Богини, Боги, Феи,
Могучіе богатыри,
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись тамо въ лицахъ,
Со описаніемъ откуда кто, каковъ;
И словомъ, то была Исторія вѣковъ.
При томъ услужные Амуры,
Различны повѣсти старались разсказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ Натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустынѣ,
Весь міръ являлся ей, какъ будто на картинѣ.
Хотяжъ гулянье по лѣсамъ

Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ;
Но въ сей начальный день не шла въ густыя рощи;
Иль ради наступившей нощи;
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги,

Не стану представлять
Читателю предъ очи
Приятны сны ея, въ послѣдовавши ночи;
Онъ самъ удобно ихъ возможетъ отгадать,
Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки,
По слуху говорятъ,
Что Душенька иногда пускалася въ нарядъ;
Особо же во дни, когда сбиралась въ садъ,
Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ;
Прилично было то, чтобъ Душенька гуляла,
И скуку иногда гульбою прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ

Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовъ,
Предъ нею вытекъ вновѣ.
Но красота бреговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру.
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ,
Являли скрытый видъ
Иль таинство въ природѣ.
Исторія гласитъ,
И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька вошедъ

Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлѣ началѣ,
Итти не смѣла далѣ;
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи;
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ,
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ,
И много говорилъ,
И прозой и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала:
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь,
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась

Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась
Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ, въ облакѣ густомъ,
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы;
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ Природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки и плетень,
Со всякими играми,
Какія и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны опереты,
И все что острый умъ удобенъ произвесть,
Въ щастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ,
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ.
Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо, и самъ Волтеръ,

Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ,
Писатель нашихъ дней, почтенный Сумароковъ,
Театру Душеньки старались подражать,
И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствія Натуры,
Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.
Но что бы длилися веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ смертей, скорбей, измѣны,
Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,
И гдѣ, среди утѣхъ,
Отставленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть Свѣтъ,
И часто, дѣтскія оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
И кто и какъ живалъ, и съ пользой или нѣтъ.
Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ,
Легко могла найти въ своей библіотекѣ.
Великая громада книгъ,
И малыхъ и большихъ,
Ее отъ чтенія въ началѣ отвращала;
Но скоро Душенька узнала,
Что разумъ ко всему возможно пріучать;
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ Исторіяхъ правдивыхъ,

овольное число нашла прибавокЪ лживыхЪ
ВЪ писателяхЪ системЪ,
Нашла, при всякой смѣси,
Довольно вздорной спеси,
Хошь часто ихЪ предлогЪ не кончился ни чѣмЪ.
Нечаянноже ей, во оной книгѣ громадѣ,
Эдну трагедію случилось разевернуть:
Писатель тщился тамЪ слезами всѣхЪ тронуть,
И тамЪ любовница, вЪ печальнѣйшемЪ нарядѣ,
Не зная что сказать, кричала часто ахЪ!
Но чѣмЪ и какЪ вЪ бѣдахЪ,
Ея вершился страхЪ?
Она, сказавЪ люблю, бѣжала изЪ покоя,
И ахать одного оставила Героя.

Царевна тамЪ взяла читать еще стихи,
Но ихЪ читаючи, какЪ будто за грѣхи
Узнала, вЪ первый разЪ, уполненную скуку,
И, бросивЪ ихЪ подЪ столЪ, притомЪ ушибла руку.
Носился послѣ слухЪ, что будто наконецЪ
НесчастныхЪ сихЪ стиховЪ творецЪ,
УказомЪ Аполлона,
На вѣки согнанЪ сЪ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхЪ скукЪ,
Иль ради сохраненья рукЪ,
СтиховЪ сЪ недѣлю не читала,
Хотя любила ихЪ, и нѣкогда слагала.

Во время такова изгнанія стиховъ,
Когда не члися тамъ ни пѣсни къ ней ни оды,
Желала посмотрѣть Царевна переводы
Извѣстнѣйшихъ творцовъ:
Но часто ихъ тогда она не разумѣла,
И для того велѣла,
Исправнымъ слогомъ вновь, Амурамъ перевесть,
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.
Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ,
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
Между полезными продерзско выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ кому не вѣдомъ былъ законъ,
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.

Уже три года такъ Царевна провождала:
И долѣбъ такъ жила, когдабъ сей свѣтлый рай
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Не рѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Церевна, разпознавъ
Супруга своего приятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:

Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,
Что онъ не могъ ни какъ нарушить словъ присяжныхъ,
И Стиксомъ клялся въ томъ Богамъ.
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по утрамъ,
И часто, силяся безъ мѣры,
На свѣтъ тащила изъ пещеры;
Но онъ изъ рукъ ея тогда,
Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
Въ другія времена такія нѣжны споры
Раждалибъ радости, на мѣсто дальной ссоры;
Но Душинькинъ супругъ тогда не рѣдко былъ
Задумчивъ и унылъ,
И часто повторялъ угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и Свѣта и похвалъ.
Въ послѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщевалъ,
Чтобы, храня завѣтъ среди утѣхъ любовныхъ,
Боялась въ томъ измѣнъ отъ самыхъ даже кровныхъ;
Что зависть ей бѣды возможетъ нанести,

И, естьли судитъ такъ предѣлъ Боговъ верховныхъ,
Ее отъ лютыхъ золъ не можетъ онъ спасти.

Вздохнувъ по Душенькѣ, въ боязняхъ толь суровыхъ,
Супругъ едва тогда изъ дома отлетѣлъ,
Какъ нѣкакой Зефиръ, посыланный для дѣлъ,
Принесъ отъ всюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.
Она увѣдала, что двѣ ея сестры
Пришли искать ее, у страшной той горы
Откуда нѣкогда, щастливѣйшимъ Зефиромъ,
Она вознесена во области надъ міромъ;
Что тамо подъ горой, изъ множества пещеръ
Стращаютъ ихъ драконы,
И что онъ могъ принесть Царевнѣ отъ сестеръ,
Вѣрнѣе всѣхъ вѣстей, и письма и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
Конечнобы тогда скрывалъ
Для Душеньки такія вѣсти!
По что не встрѣтился какойлибъ скорый духъ,
Комубы вѣдомъ былъ о томъ подробный слухъ,
И ктобы, при такой отъ кровныхъ ей измѣнѣ,
Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ по менѣ?
Но воля въ томъ была небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,

Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей Боги,
Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь,
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъже часъ, скорѣе какъ ниесть,
Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привесть.
Не видяжъ никакой коварства ихъ примѣты,
Желая показать
Наряды и парчи, и камни и кровать,
И домъ и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
Богатство мало веселитъ,
Когда о томъ никто не знаетъ,
И радость только тотъ вкушаетъ
Съ другими кто ее дѣлитъ.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней предстали,
И обѣ Душеньку со щастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли
Съ усмѣшкой на лицахъ.
Но зависть весь свой ядъ простерла въ ихъ сердцахъ,
Представя ихъ очамъ, какъ будто грѣхъ Натуры,
Что младшая сестра, за красоту свою,

Живетъ господствуя въ прекраснѣшемъ раю,
И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастовствомъ,
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ Божествомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ, изъ смертныхъ всѣхъ красотъ,
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть летучій свой народъ,
И рай въ ея услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда ково мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
„Да гдѣжъ супругъ, скажи? . . . „
Не зная что сказать, и какъ себя оправить,
Сестрамъ своимъ въ отвѣтъ,
Царевна, покраснѣвъ, сказала: дома нѣтъ.
Но какъ она при томъ старалась ихъ забавить,
Легко тогда могли онѣ себѣ представить,
Что Душенькинъ супругъ
Имѣетъ въ небѣ рай, и тронъ, и много слугъ,
И младость, и красу, и радость безъ печали,
И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный кругъ;
И то, чего онѣ не знали, не видали,
Завидуя сестрѣ, легко воображали,
И, съ горькой жалобой, промежъ собой шептали:
„За что супруга ей Судьбы такого дали?

„А мы и на земли
„Едва мужей нашли:
„И тѣ какъ дѣды стары,
„И намъ негодны въ пары„;
И завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили:
И съ повтореніемъ въ послѣдокъ говорили,
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
Вотще отъ сестръ своихъ Царевна ихъ скрывала,
И день и два и три притворство продолжала,
Какъ будтобы она супруга вьявь ждала:
Сестры темнили видъ, подъ чѣмъ онъ былъ не явенъ.
Чего не вымыслитъ коварная хула?
Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ и злонравенъ,
И вѣрно Душенька съ чудовищемъ жила.
Совѣты скромности въ сей часъ она забыла;
Сестры ли въ томъ виной, Судьба ли то, иль рокъ,
Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
Она вздохнувъ сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила;
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ,
И произшествія подробно разсказала;
Но только лишь сказать не знала,

Каковъ и кто ея супругъ,
Колдунъ иль змѣй, иль богъ иль духъ.

Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
Удвоилъ лести ядъ,
Который былъ прикрытъ приязни видомъ внѣшнымъ.
Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ, сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ всего онѣ боялись;
Что тамо былъ неистовъ домъ,
Что въ немъ живутъ конечно змѣи,
Или злотворны чародѣи,
Которые устроивъ рай,
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей чудный край,
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавали, что будто въ сторонѣ,
По утру, видѣли онѣ,
Съ домоваго балкона,
Надъ гротомъ въ воздухѣ, подобіе дракона;
И будтобъ тамъ леталъ съ рогами страшный змѣй,
И будтобъ искры тамъ онъ сыпалъ изъ ноздрей,
И въ рощѣ наконецъ, склонясь у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ, ползъ сгибаючись въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ
Безчестье и позоръ,

На будущіе роды,
да пойдутъ отъ ней нелѣпые уроды,
чуды съ коими не можно будетъ жить,
И кои будутъ міръ страшить.

многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
правда, что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
замужство ей всегда казалось чудно.
чѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когда бы не былъ змѣй,
Иль лютый чародѣй?
послѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила,
ю нѣкая въ дому неистовая сила
Ее обворожила;
ю мужъ ея какъ змѣй, какъ самый хищный тать,
и свѣтѣ никому не смѣлъ себя казать;
ю онъ не могъ имѣть ни вѣры ни закона,
И хуже былъ дракона.

Царевна, въ сей прискорбный часъ,
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ пріятныхъ пѣсенъ гласъ,
радости и смѣхи.
ор ыхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
ачной скуки ядъ.
воспрепещали,

И съ плачемъ далѣ отлетали
Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.
Царевна тамъ, одна съ сестрами,
Въ свободѣ продолжала рѣчь,
И непремѣнными Судьбами
Сихъ словъ никто не могъ стеречь:

„Могуль я въ свѣтѣ жить? Царевна говорила,
„Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
„Нещастна Душенька! ты мнила быть въ раю,
„И участь выше всѣхъ считала ты свою;
„Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
„Кого имѣешь ты супруга?
„Волшебный лишь призракъ,
„Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ,
„И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
„Кого въ послѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
„Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
„Но естьли тако мнѣ предписано Судьбами:
„Скорѣе мечь вонжу въ мою нещастну грудь.
„Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.
„Скажите всѣмъ роднымъ, подробными словами,
„Что знали отъ меня, что видѣли вы сами;
„Скажите, что я здѣсь обманута была,
„Что я стыжуся жить, . . . скажите, умерла„.

:стры, какЪбы уже за злобу казней ждали,
вѢтами тогда Царевнѣ представляли,
:о красныхЪ дней ея безвременный конецЪ,
ıЪ наглой хищности вселенну не избавитЪ;
послѣ, можетЪ быть, толь лютыхЪ золЪ творецЪ
всѣхЪ ея родныхЪ пожретЪ или удавитЪ;
что, вооружась на жизнь свою она,
олжна, предЪ смертью сей, какЪ честная жена,
удобный сонный часЪ, убить бы колдуна.
сей поступокЪ былЪ для Душеньки опасенЪ,
ПротивенЪ и ужасенЪ:
ждалася она злодѣйственныхЪ смертей,
жалость завсегда господствовала вЪ ней;
можетЪ быть любовь, какой она стыдилась,
Еще вЪ груди ея таилась.
бійственный совѣтЪ Царевна получа,
редставила, вЪ словахЪ мятущихся и косныхЪ,
Что вЪ домѣ не было меча,
иже какихЪ нибудь орудій смертоносныхЪ.
какЪ убить вЪ ночи пустую только тѣнь,
Котора изчезаетЪ вЪ день?
И гдѣ достать кЪ сему наряду,
СЪ огнемЪ фонарь или лампаду?
ВЪ сіи печальны дни,
ефиры сЪ вечера гасили всѣ огни.
естры рѣшительно и смѣло отвѣчали

На Душенькину рѣчь,
Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечь,
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Приятна ль ей была готовность сихъ услугъ,
Примѣтить было льзя изъ словъ ея печальныхъ:
Смущенна Душенька, тогда безъ мыслей дальныхъ,
Желала только знать, каковъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ,
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ еѳиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ,
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ, съ самыхъ древнихъ лѣтъ, держался
Волшебный мечь или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищь поражалъ.
Сей мечь, единымъ сильнымъ махомъ,
У гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечь хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ самосѣкъ.

Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъ ли иль просто взятъ,
Иль былъ оттоль тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ;
Извѣстно только нынѣ въ Свѣтѣ,
Что точно онъ блисталъ въ полетѣ;
Что двѣ Царевны, отъ земли.
Принявъ воздушныя дороги,
Сей мечь, въ Амуровы чертоги,
Тогда съ лампадой унесли,
И скоро съ Душенькой простились,
И скоро въ путь домой пустились.

О естьлибъ вѣдала нещастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечь, сія лампада!
Амуры ей моглиль совѣтами помочь?
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И, купно съ темнотой,
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ крылося нещастно непокорство.
И естьли повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила тутъ
И разумъ и проворство,

И хитрость и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ-нибудь даютъ покой мужьямъ.
Но, хитростиль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ, толь тихо какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касаяся пятой,
Выходитъ въ нѣкакой покой,
Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечь и свѣтъ лампады.
Потомъ съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякой страхъ,
И съ вображеніемъ печальнымъ,
Скрываетъ мечь подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Боясь змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружный входитъ;
Но кто представился ей тамъ?

Кого она въ одрѣ находитъ?
То былъ . . . но кто? . . . Амуръ былъ самъ:
Сей Богъ властитель всей Натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось будтобы во снѣ,
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный поверьхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ и нѣжность всѣхъ частей,
Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество Богини.

Таковъ открылся Богъ Амуръ,
Таковъ иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ:
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ явился Богъ приятствъ
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька прекрасно Божество,
На мѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый Богъ,
Едва не кинула лампады и кинжала,
И, позабывъ тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будтобъ никогда ево не обнимала.
Но удовольствіемъ жадающихъ очей
Останoвлялась тутъ стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
Считала ночь сію приятнѣй всѣхъ ночей.

Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ что только зрѣть могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотъ заранѣ не видала;
По что о Богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно ево за змѣя почитала.
В послѣдокъ Царска дочь,
Въ сію приятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потомъ приближала лампаду,
Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи и робкомъ и не смѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой,
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И, масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила,
Почувствуя жестоку боль,
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,
И, боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечь,
Который изъ подплечь
Къ ногамъ тогда скользнулся,
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ, зломышленной жены;

И тщетно тутъ она желала
Сказать нещастья всѣ съ начала,
Какія въ выправку сказать ему могла:
Слова въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ и мечь въ винахъ уликою являлись,
И Душенька тогда упадши обмерла.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когдабъ лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Илибы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль толькобы взглянула,
Въ минутубъ, для ея услугъ,
Полки духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъбы Ескулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъбы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всюбъ свою для ней науку истощилъ.
Когдаже во Дворѣ разсѣялися слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ея за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны духи.

Зефиры не были въ числѣ не вѣрныхъ слугъ:
Сіи за Душенькой старинны волокиты,
Одни осталися, изъ всей придворной свиты,
Которые въ дали надъ ней летали вкругъ;
Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры,
И были такъ легки какъ наши петиметры:
Увидѣвъ красоты что прежъ сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны.
Зефиры не могли
Въ привязанности быть на долго постоянны,
И, кинувъ Царску дочь,
Летѣть пустилися прочь.
Красавицы Двора, которы ей служили,
Хотя казалося объ ней тогда тужили,
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая,
Авосьлибо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Авосьлибо сей Богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу,
Въ послѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой Дворъ,
И можетъ быть изъ нихъ возметъ себѣ супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны были:
По старой памяти всегда ее любили,
И, видя злую съ ней напасть,
Усердно ей помочь хотѣли,
Но, чтя покорну вышню власть;
Въ то время къ ней отнюдь приближиться не смѣли.
Иль можетъ быть и такъ, они предвидя впредь
Ея нещастья и печали,
Судили легче ей въ сей долѣ умереть,
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ,
Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ....
Амуры съ Душенькой расстались, возрыдали,
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Царску дочь обратно унесли
Изъ горныхъ мѣстъ къ земли,
Туда откуда взяли;
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,
[illegible] свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,

Отъ нынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.
Тебя къ терпѣнію оставилъ Купидонъ;
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ будто сонъ.
Вкусивши сладости когда кто ихъ лишился,
И точно вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ,
И болѣ кто любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаетъ впредь,
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба была къ ней толь сурова,
Что скольбы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала,
И какъбы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтобъ Душенька жила,
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры,
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ;
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ,
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла . . . и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ гдѣ и какъ тогда она была.

а мѣсто Божескихъ прекраснѣйшихъ селеній,
дѣ смѣховъ, игръ, забавъ, и всякихъ слугъ соборъ
тарался примѣчать и мысль ея и взоръ,
ей услуживать не ждавши повелѣній,
а мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,
видѣла она, подъ сводами небесъ,
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
ещеры аспидовъ, звѣриные берлоги,
коихъ нѣкогда Жрецы, и сами Боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
Оставили ее Судьбы своей искать,
Искать себѣ четы не вѣдая дороги.
Увидѣла она, при утренней зарѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,
На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни звѣрь не забѣгалъ,
Ни птицы не летали,
И гдѣ казалося лишь страхи обитали,
Увидѣла себя, безъ райскихъ покрывалъ,
Лежащу въ платьицѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душеньку, въ нещастьи безприкладномъ,
Оставивъ выкладки и всякія махры,
Родные нарядили,
Когда на верьхъ горы
Ее препроводили.

Хотяже Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страхамъ и нещастью,
Моглабы ожидать себѣ отрады тамъ,
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью,
И вѣря всякимъ чудесамъ,
Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣрить,
И нѣсколькобы тѣмъ печаль свою умѣрить;
Но Душенька до толь въ раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою,
Утратила потомъ какъ дура,
Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подъ именемъ супруга.
Проступокъ свой тогда вмѣняя въ крайчій грѣхъ,
Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла:
Сто кратъ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла
У мужа, у Боговъ, у каждаго и всѣхъ,
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла;
Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ ни богъ,
Ни видѣть слѣзъ ея, ни слышать словъ не могъ.

Амуръ въ сей часъ надъ ней не видимо взвивался,
Тая свою печаль во мракѣ черныхъ тучь,
И естьли проницалъ къ нему надежды лучь,
Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.

Онъ ею тайно любовался,
Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ,
Ее другимъ Богамъ въ сохранность поручалъ,
И извиняя въ ней поспѣшность всякой вѣры,
Приписывалъ вину однѣмъ ея сестрамъ.
Извѣстно то, что онъ по проискамъ Венеры,
Царевну долженъ былъ тогда предать Судьбамъ,
И что въ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
Какою ей тогда Веиеринъ гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности повсюду ухищрялся,
Противъ желанія повсюду притворялся,
Какъ будтобъ онъ уже Царевну не любилъ,
Не смѣяже ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Еху той округи
Строжайшій далъ приказъ,
Чтобъ Ехо всяку рѣчь Царевнину внимало,
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

Амуръ, Амуръ! она вскричала . . .
И можетъ быть что рѣчь ещебы продолжала,
Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ,
На время прекратилъ ея плачевный гласъ.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,

Который Ехо тамъ, во многи голоса,
Несло на перехватъ подъ самы небеса,
Амуръ, предавшися движенью нѣжной страсти,
Забывъ жестоку боль бедра,
И все что было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ уставы вышней власти,
Едва не бросился, съ высокихъ облаковъ,
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальныхъ словъ
Съ желаньемъ, на всегда отъ нынѣ,
Оставить пышности небесъ,
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотябъ то былъ дремучій лѣсъ.
Но вспомнивъ нѣжный Богъ, въ жару своихъ желаній,
Нещастливый предѣлъ толь лѣстныхъ упованій,
И гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ,
Грядущую потомъ,
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился,
И къ Душенькѣ съ высотъ во славѣ онъ спустился:
Предсталъ ея глазамъ.
Предсталъ . . . и такъ какъ Богъ явился,
Но, въ угожденіе Венерѣ и Судьбамъ,
Возрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
И, такъ какъбы ее оставилъ онъ на вѣкъ,
Гнѣвливымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ
Строжайшую ей часть предписанну Богами:
„Имѣй, сказалъ онъ ей, отъ нынѣ госпожу,
„Отъ нынѣ будешь ты Венериной рабою;

„Отъ нынѣ не могу дѣлить утѣхъ съ тобою . . . ,
„Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу,,.

Амуръ, Амуръ! опять Царевна возгласила : . . .
Но онъ, при сихъ словахъ,
Не внемля, что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ;
Сокрылся, и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.
Болтливы Ехи дальныхъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли его свиданье и отъѣздъ,
Въ послѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
За быль или за сказку,
За правду иль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу;
И бодтобы сей Богъ,
Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,
Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ,
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни было, любовиль нѣжной сила,
Или особая господствующа власть,
Содѣлывала въ ней мучительну страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
Лишь только помнила, кого она любила,

И дерзостью своей чего себя лишила.

Чего ей ждать тогда осталось отъ небесъ?
Въ отчаяньи, проливъ потоки горькихъ слезъ,
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
Прости Амуръ, прости! Царевна вопіяла;
И въ тотъ же часъ лихой,
Бездонну рытвину увидѣвъ подъ горой,
Съ вершины въ пропасть рва пуститься предпріяла:
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула, ахнула, и бросилась въ размахъ.
Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ,
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ, усердный Скоромахъ,
Зефиръ, слуга ея при вѣтреныхъ путяхъ,
Увидѣвъ Царску дочь въ толь видимыхъ бѣдахъ,
Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,
Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрывъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой наглости толпы разносторонной,
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ

На мягкихъ муравахъ долины благовонной.
Онъ тихимъ дханіемъ тамъ воздухъ растворилъ,
Бореямъ дерскимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ ясминный въ головахъ,
Межъ разными вокругъ цвѣтами,
Такую истинну сперьва за сонъ почла;
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ, кинувшись, была
Еще на свѣтѣ въ живѣ.
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ.
Но видѣла ль во снѣ, что было съ ней доселѣ,
Худое ль доброе на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Историки о томъ забыли написать;
А только дали знать,
Что Богъ Амуръ, надъ нею
Велѣлъ тогда летать

Снодѣтелю Морфею,
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся натура,
Въ то время, правились указами Амура.
Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ,
Амуръ содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душенька уснула,
И сномъ бы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Была къ небытію влекома въ сей пустынѣ,
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приближиться къ кончинѣ.
Но какъбы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ,
И охраняючи нещастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ.
Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ и лѣсамъ уныво возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.
„Не буду долѣ жить!
„Приди, о смерть, ко мнѣ, приди, она вопила!„
Но смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;

Курносо чучело съ плешивой головою,
Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
Явилось къ ней тогда, съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть.
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть,
Увидѣвъ на конецъ, что смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала:
Зарѣжуся, вскричала!
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого острія,
Удобнаго пресѣчь нещастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальной справки,
Что Душенька предъ симъ,
Летя съ горы на низъ, повытресла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней въ полѣ,
И острый камень, какъ нибудь,
Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.
Казался край тогда ея нещастной долѣ;
Нашлися остры камни тамъ,
Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишь только возметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,
И вмѣсто смертной муки,
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.

Когда же смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скушать.
Потомъ смотря на лѣсъ, на пропасти безъ чиа,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она
Другую смерть себѣ, а именно удавку.
Въ старинны времена,
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турковъ и по днесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ а удавятъ.
Не рѣдко Визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ Султаны,
За собственны свои или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ осилкахъ.
Хотяжъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку,
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ,
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ,
Казалася сотворена

Для пользы иль веселья,
И тщетно былобъ тамъ искать лихова зелья.
Равноже изгнанъ былъ оттолѣ всякой гадъ,
Въ какомъ бываетъ ядъ:
И такъ не льзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ,
По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:
Въ близи оттолѣ росъ дубнякъ,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душенькѣ тогда широкой былъ платокъ,
Который съ бѣлыхъ плечь спускался возлѣ бокъ.
Нещастна Душенька, не въ многія минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минуты,
Кончая скорби люты,
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу:
Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила,
И къ суку свой платокъ какъ должно прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила:
О чудо изъ чудесъ!
Потрясся долъ и лѣсъ!
Дубовый грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ,

Погнулся такъ какъ прутъ изросшій въ вешни числа,
И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ въ верьху остановился,
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ;
И горы вскликнули, громчаѣ сколь возможно,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ не ложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ, то оправдывалъ безъ словъ.
Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытностью ея Натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти родъ,
Которымъ чаяла окончить свой животъ.
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться.
На случай сей рѣка
Была не далека.
Царевна съ берега крутова,
Гдѣ дно рѣки отъ глазъ скрывалось подъ водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдругъ, противною судьбой,

Поѣхала она на щукѣ шегардой;
И ѣхавъ по верьху опаснѣйшей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:
Другіе тутъже щуки,
Наукой отъ Боговъ, иль просто безъ науки,
Собравшися какъ должно въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканіемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто въ щукахъ тамъ примѣтили наядъ,
И что наяды, ескадрономъ,
Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.
Не знаю правдаль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
Что нѣкія тогда изъ сихъ наядъ иль рыбъ,
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Служивъ до толь въ раю подъ щастливымъ закономъ,
За Душенькою тутъ спѣшили въ слѣдъ догономъ,
Въ старинномъ ихъ строю,
Признать по должности владычицу свою;
Забывъ, что Богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ какъ райску жизнь въ ничто преобратилъ,
Служившихъ тамъ, какъбы карая,
Оттоль на волю распустилъ.
Нещастна Душенька, сколь много ни старалась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,

И съ берега она къ другому добиралась.
Въ сихъ мукахъ щщетно жизнь кляла,
И щщетно съ нова смерть звала;
На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душенька, въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что Боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.
Остался наконецъ единый смерти родъ,
Который Душенька еще не испытала:
Она еще себя надеждою питала,
Что можетъ быть огнемъ скончаетъ свой животъ.

Въ дали въ то время дымъ курился;
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ иль слѣпымъ,
Пришла къ рѣчному брегу;
И тамъ на муравахъ
Нашла огонь въ дровахъ,
Къ рыбачьему наслѣгу.
Хозяинъ оныхъ дровъ,
Престарый рыболовъ,
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отплылъ во оно время.
Царевна жизни бремя

Легко могла пресѣчь:
Могла себя сожечь,
Въ пустомъ широкомъ полѣ,
Въ просторѣ и на волѣ.
Никтобъ ее извлечь,
Никтобъ не могъ отколѣ,
Когда бы небеса,
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ послѣднія слова,
Лишь только бросилась во пламень на дровѣ,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ изчезъ, огонь и жаръ потухъ;
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ не давно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко ахъ!
Сей гласъ раздался на волнахъ,
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыбъ различны роды,
Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова,
И все то спалось вдругъ

Отъ Душенькина слова.
Не знаю волеюль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ въ верьхъ воды несло его ко брегу;
Но знаю, что по томъ сей древній въ мірѣ дѣдъ,
Взглянувъ на близь своей повѣти,
Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ,
И палъ къ Царевнинымъ ногамъ;
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чѣмъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

„О праотецъ земныхъ родовъ,
„Иль сынъ конечно праотцовъ!
Царевна къ старцу вопіяла:
„Ты помнишь бытность всѣхъ временъ,
„И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ.
„Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
„Встрѣчалось ли когда кому
„Нещастье равно моему?
„Я рѣзалась и въ петлю клалась,
„Топилась и въ огонь бросалась;
„Но, въ горькой участи моей,

,,Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
,,И всѣми видами смертей
,,Приведши въ ужасъ всю природу,
,,Противъ желанія живу,
,,Безсмертіе имѣю въ муку,
,,И тщетно смерть къ себѣ зову.
,,Подай свою мнѣ въ помощь руку,
,,Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ,,.
Но кто ты, старецъ вопросилъ?
,,Я Душенька . . . люблю Амура . . .,,
Потомъ заплакала какъ дура,
Потомъ, безъ дальныхъ съ нею словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
И съ ней взрыдала вся Натура.
Потомъ сказалъ ей тотъже дѣдъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ,
Какъ то себѣ она ни чаетъ;
И что еще она не знаетъ
Готовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ:
Что злоба гнѣвной къ ней Богини
Проникла въ самыя пустыни;
Что, каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ,
Уже ея вины открыты,
И грамоты о томъ прибиты,
Въ распутіяхъ и во вратахъ.
При томъ старикъ роптала въ слезахъ,

Что злобѣ попускаютъ Боги;
И, строгую виня Судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Царевна тамъ сама прочла
Прибитый листъ, въ большую мѣру.
А что [illegible] листѣ нашла,
Скажу, [illegible] почному манеру.

„Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
„И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
„Онаже Душенька румяны унижаетъ,
„Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ,
„И всяку красоту по всюду обижаетъ;
„Онаже Душенька, имѣя стройный станъ,
„Прелестные глаза, приятную усмѣшку,
„Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
„Онаже взорами сердцамъ творитъ изъянъ,
„Богиней рядится, и носитъ хвостъ въ три пяди:
„Того или инаго ради,
„Венера каждому и всѣмъ,
„О гнѣвѣ на нее своемъ,
„По должной формѣ, извѣщаетъ,
„И всяку милость обѣщаетъ,
„Тому кто Душеньку, на срокъ,
„Къ Венерину лицу представитъ.
„А буде кто ее оправитъ,

„Противу силы оныхъ строкъ,
„Иль буде гдѣ ее укроетъ,
„Иль поводъ дастъ укрыться ей,
„Тотъ въ вѣкъ вины своей не смоетъ,
„Ни самой кровію своей„.

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозныя слова̀.
„О Боги! видите вы сами,
Вопили камни и древа:
„На то ли Душенька жива?
„На толь одарена красами?
„И чѣмъ виновна передъ вами,
„Когда родилась такова„?

Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ Богиню злую,
Другой сыскную драть хотѣлъ.
Одни, изъ должности, Цитерскіе пролазы
Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,
Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душеньку, кто могъ, охотно укрывалъ.
Но какъ то ни было, боясь ли пролазовъ,
Боясь ли приказовъ,
Водималь старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,

Царевна наконецЪ за благо разсудила,
Просить о помощи степеннѣйшихЪ Богинь.
ЩастливѣебЪ она БоговЪ о томЪ просила,
Но сЪ времени когда Амура полюбила,
По мысли никого вЪ БогахЪ сыскать не мнила:
Кто дерзокЪ былЪ иль трусЪ, кто гордЪ иль глупый шпынь;
И можетЪ быть она вЪ то время находила,
ВЪ верховнѣйшихЪ БогахЪ, не малу часть разинь.

ВЪ началѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивЪ небеса,
За мужемЪ бѣгала и вЪ горы и вЪ лѣса.
Она моглабЪ давать нещастнымЪ оборону,
Но собственну свою тогда имѣла грусть:
Юнону хоть любилЪ ЮпитерЪ по закону,
Любя другихЪ, не могЪ кЪ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
БылЪ грубЪ, былЪ дикЪ,
КакЪ вепрь иль быкЪ,
И часто подЪ дождемЪ, по цѣлымЪ днямЪ, мочился;
И послѣ до ушей Юноны слухЪ проникЪ,
Что подлиннымЪ быкомЪ кЪ Европѣ онЪ явился,
И подлиннымЪ дождемЪ кЪ Данаѣ онЪ спустился,
ЗабывЪ отца БоговЪ достоинство и чинЪ.
Для множества такихЪ причинЪ,
И можетЪ быть за то, какЪ видѣла Юнона,
Что Душенька сама

Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
„Поди, сказала ей Богиня вышня трона,
„Проси о дѣлѣ Купидона,
„Или поди проси другихъ,
„А мнѣ довольно бѣдъ своихъ„.

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошенiемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная Богиня
У всѣхъ своихъ тогда являлась олтарей:
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступъ для сего къ Церерину лицу,
Дозволенъ только былъ жрецамъ или жрецу,
И кто къ Богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила,
И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушiй сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ, хотя черезъ обманъ;

Осталась красота, о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой, Богини не любили,
И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька, привыкши всѣхъ просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости, тогда на Геликонѣ,
Имѣла съ Музами ученнѣйшій совѣтъ,
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близь земли кометъ,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто ропкой свѣтъ,
Пророчили бѣды мѣстами,
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На всеже, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости Богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;
И, паче какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ,
На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.

Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:

Со свитой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ,
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Никто не нарушалъ дотоль ея забавъ,
Еще не видѣла она Ендиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона,
Лишилабъ Душеньку и милостей и правъ.

Куда идти? еще къ Минервѣ иль къ Церерѣ?
Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,
Стоялъ извѣстный храмъ,
Съ надвратной надписью: „Прекраснѣйшей Богинѣ„.
Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ, утѣхъ всеобщихъ мать,
Мірскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ, во всяко время,
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда Богиню прославлять,
Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіежъ ихъ просить, иль просто погулять.
Въ такомъ стеченіи народа,
Нещастна Душенька, избравъ тишайшій часъ,
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.

Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что можетъ быть она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Строжайшаго закона,
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приближилась ко храму,
И тамъ задумавшись едва не впала въ яму,
Куда, отъ разныхъ жертвъ, за дворъ
Сметался въ кучу всякой соръ.
Но впрочемъ всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная катилася роса,
На миршу, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ,

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали,
И по долинѣ тамъ дороги окружали,
Издревле Богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей Богинѣ,
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ,
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри,

Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ,
Гуляли съ ними на лугахъ,
И, съ самой вольной простотою,
Питались киселемъ съ сытою,
На вѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ,
И вся природа, всякой часъ,
Согласіемъ сочеталась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ и береговъ,
Стоялъ Богининъ храмъ, межъ множества столповъ.
Сей храмъ, со всѣхъ сторонъ, являлъ два разныхъ входа,
Особо для Боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ и олтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,
Снаружи и внутри,
Изображали видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества
Властительнаго тамъ прекрасна Божества.
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль, приятная въ чертахъ,

Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изъ нутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ олтарей,
Различны дани приносились,
Отъ всѣхъ наукъ, искуствъ, художествъ и затѣй,
И знатныхъ и простыхъ людей,
Которы всѣ число достойнѣйшихъ просились.
Иной, желая приобрѣсть,
Любовью къ нѣкой музѣ, честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую;
Другой себѣ избравъ,
По праву иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И чтяся получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ разпестрилъ молярной кистью стѣны.
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству иль чинамъ
Могли казаться тамо къ стати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся Богинѣ въ даръ усердный только духъ,
Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.
На среднемъ олтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстнымъ балдахиномъ,

Стоялъ Богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ, и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она, на нѣкакой горѣ,
Явилась, въ прежни дни, къ Парисовой расправѣ,
И споръ между Богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ, казалось, былъ Божественной рукой
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Пракситель
Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.
Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ;
И каждый какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы, всякою порой,
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю,
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю
При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять, надъ прежней госпожой,

Въ невѣденьи летали,
Рѣзвились и журчали;
Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ:
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ,
И стала къ сторонѣ, у самыхъ первыхъ вратъ.

Отъ робостиль она сихъ мѣстъ не примѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была Богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
Сей храмъ на послѣди за рѣдкость не считала:
По волѣ то рѣшить читатель можетъ самъ;
Но въ храмѣ лишь едва лице свое открыла,
Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборотила.
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти иль вопросы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру,
Въ сей день, по слуху ждалъ
Изъ Пафоса въ Цитеру.
Увидяжъ Душеньку, согласно весь народъ,
Одинъ другому въ ротъ

Шепталъ за новы вѣсти:
„Венера здѣсь тайкомъ! . . .
„Бѣжитъ отъ всякой чести! . . .
„Венера за столбомъ! . . .
„Венера подъ платкомъ! . . .
„Венера въ сарафанѣ! . . .
„Пришла сюда пѣшкомъ! . . .
„Во храмъ вошла тишкомъ! . . .
„Конечно съ пастушкомъ! . . . .„
И весь народъ въ обманѣ,
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,
И съ милостью возрѣть
На всяки нужды впредь.
Въ сіе волненіе народа,
Возникла вдругъ молва у входа,
Что сущая уже Богиня оныхъ мѣстъ,
Влеча съ собой толпы служителей на въѣздъ.
И яблоко держа Парисово въ десницѣ,
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла:
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,

И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма Божествѣ.
Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла,
За чѣмъ туда пришла,
И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
Богиня сѣвъ на тронъ, и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла,
И тотъ же часъ приказъ дала,
Представить Душеньку во внутренню преграду.

„Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня,
Рекла Царевна къ ней колѣна преклоня:
„Я сына твоего прельщать не умышляла;
„Судьба меня, Судьба во власть къ нему послала.
„Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
„Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
„Сама искала я упасть передъ тобою,
„Сама желаю я твоею быть рабою,
„И въ милость только то прошу себѣ напредь,
„Чтобы всегда могла твое лице я зрѣть„.

Я знаю умыслъ твой, Венера ей сказала,
И тотчасъ кончивъ рѣчь,

Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предприяла;
При томъ съ насмѣшкой приказала,
Въ пути ее беречь.
Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорокъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъже рядомъ
Четыре Фурiи, изверженныя адомъ,
Коварство, ненависть, хула и клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурiй ухищренныхъ,
И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она,
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщенiе Боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, приявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что толькобы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ щастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно нѣтъ примѣра
Такому мщенiю, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки, умыслила Венера:

Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть сколь можно въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки въ послѣдокъ отвращались,
И толькобы тогда Венерою прельщались.

Не знаю въ перьвый день, иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня, въ мщеніи, послала Царску дочь,
Принесть, чрезъ три часа, воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ перьвой кто попьетъ, здоровье получаетъ,
А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла, безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ,
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,

Царевнѣ на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никово отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто ево забавитъ питьецомъ.
При томъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть.
Когдаже пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время разодвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живуюль мертвуюль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:
Явилася у водъ,
И змѣю, наклонясь, умильну, рѣчь сказала,
Котору выдала въ послѣдокъ и въ народъ:

„О змѣй Горыничь Чудо-Юда!
„Ты сытъ во всяки времена,
„Ты ростомъ превзошелъ слона,
„Красою помрачилъ верблюда;
„Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
„Блестишь златыми чешуями,
„И смѣло разѣваешь пасть,
„И можешь всѣхъ давить когтями.
„Содѣлай край моимъ бѣдамъ,
„Пусти меня, пусти къ водамъ„.

Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
При томъ склоняяся ко сласти питьеца,
Горыничь пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно Душеньку въ дорогахъ не покинулъ.
Она въ свободѣ тамъ, попивъ живой воды,
Забыла всѣ свои дорожные труды,
И вдругъ здоровѣй стала.
Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ,
Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
И будтобы тогда Богиня умышляла,
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но, просто случаемъ иль чудомъ можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душенька имѣетъ отъ небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самаго Амура;
Но какъ извѣстно было ей,

Что пагубой людей
Обилуетъ натура,
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или, хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду гдѣ жили Геспериды,
Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ драконы стерегли.
А въ томъ или въ другомъ саду, въ близи Атласа,
Жила напослѣди Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея невѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она Богиня иль Царица,
И въ сказкахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:
Златыя яблоки она вседневно ѣла,
Извѣстно что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда драконовъ тамъ ни змѣя,
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не вкушалъ,
И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.

А естьли приходилЪ кто яблокЪ тѣхЪ покушать,
ВЪ началѣ долженЪ былЪ его загадки слушать.
Когдаже кто не могЪ загадокЪ отгадать,
Того безЪ милости обыкЪ онЪ послѣ жрать.
Венера, вѣдая сихЪ строгихЪ мѣстЪ законы,
По коимЪ властвуютЪ Кащей или драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтобъ яблокЪ тѣхЪ достать.
Но кто ей скажетЪ путь и будетЪ помогать?
ЗефирЪ, она ево успѣла лишь назвать,
ЗефирЪ ей новую явилЪ тогда услугу;
И чтобЪ холодный вѣтрЪ не могЪ ее встрѣчать,
Пустился сЪ ней вЪ сей путь по Югу;
ШепнулЪ Царевнѣ онЪ, какую рѣчь сказать,
И какЪ на всѣ слова Кащею отвѣчать;
ПотомЪ подЪ яблонью подставить только полу,
ВЪ то время яблоки скатятся сами кЪ долу;
И можно будетЪ ей, тогда оставивЪ садЪ,
СЪ добычею летѣть назадЪ,
И яблокЪ золотыхЪ вкусить по произволу.

Не вЪ долгомЪ времени, не вЪ день, вЪ единый часЪ,
Явилась Душенька кЪ Кащею взять приказЪ:
ПоклонЪ какЪ должно сотворила,
КакЪ должно рѣчь проговорила,
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что ей

Загадывалъ Кащей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ Богинѣ,
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во адъ себѣ пути,
И нѣкакой оттоль горшечикъ принести.
При томъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала,
Царевнинъ ревностный служитель давныхъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ свѣтъ,
И ей полезный далъ совѣтъ.
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ
Въ лѣсу, онъ ей сказалъ, представится избушка,
А въ той избушкѣ ей представится старушка,
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,
Оттоль покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъже часъ,

Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечикъ получить,
И службу, надлежащимъ рядомъ,
Исправно совершить.

Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотъчасъ во адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры.
Тризевны въ тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь.
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартаръ началъ таять,
Подземна царства темный царь,
Который, возлѣ Прозерпины,
Дремалъ съ надеждою на слугъ,

Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ въ кругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ . . . . начавши рѣчь запнулся,
И съ роду первый разъ,
Въ то время, улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полну мочь,
Какую при писмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона,
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь;
И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
Ее, безъ дальныхъ словъ, отправила обратно.

Царевна наконецъ могла бы какъ нибудь,
Окончить щастливо и новый оный путь;
Но другъ ея Зефиръ съ начала,
Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
И ей особо не сказалъ,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ горшечикъ посмотрѣть въ пути останавлялась,
И въ тотъже самый часъ
Желанію сопротивлялась.
Напослѣди смотря и въ стороны и въ слѣдъ,

И до двора уже не много не дошедъ,
Венеры заповѣдь, и гнѣвъ и страхъ презрѣла,
Открыла кровельку, въ горшечикъ посмотрѣла.
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо, и вскрыта бѣла грудь,
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать:
Но чѣмъ при тренiи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась чернѣе,
Какъ будтобы свой видъ трудилася марать.
Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудь водою,
Прошедшую себѣ доставить красоту,
Но чудною бѣдою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ хотя лице склоняла,
И черноту свою хоть много разъ купала,
Смотрясь въ водахъ потомъ, увѣрила себя,
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль просто такъ сказать, красу свою сгубя,
Была араповъ гажѣ,

Въ семъ видѣ, Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И слыша всяки рѣчи
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.

Для бѣлыхъ рукъ ея, въ народѣ вышла сказка,
Что будтобы она таилась отъ людей,
И будтобы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей въ посмѣхъ.
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ
Что боги, будтобъ ей за грѣхъ,
Арапску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простойже весъ народъ,
Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой,
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.
Но Душенька, сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И въ горести тогда куда идти не знала:
Идти ли ей потомъ, на смѣхъ и на позоръ,
Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ роднымъ во дворъ?
Но можетъ ли ихъ взоръ,
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей, сокрыть себя тогда,
Въ какой нибудь пещерѣ,
Гдѣбъ люди никогда
Ея толь горькаго не видѣли стыда;

И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золъ подобно ощущалъ;
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечикъ адской сажи?
Читатель сей вопросъ рѣшитъ конечно самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,
Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна,
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ,
И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣду нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла превесть ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.
Дошла въ послѣдокъ вѣсть,
Чрезъ слухъ, иль какъ ниесть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю, съ супругомъ лучезарнымъ,

Не долго пожила;
Что изгнана отполь за нѣкаки дѣла,
И что напослѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла,
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество,
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили,
И что за то ее караетъ Божество.

Превратнымъ разумамъ, любови существо
Не вѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,
Навлекши скорби ей,
И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно,
Отнюдь не мыслили, во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напастями Царевны отвлеченъ,
Стремилъ стараніе къ единому лишь виду,
Чтобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ сколь можно облегченъ,
Какъ будтобы забылъ, отъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратилъ ихъ наглость имъ же въ казнь:
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отправилъ,
Который отъ него какъ должно ихъ поздравилъ;
Благодаря при томъ за дружбу и приязнь,
Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаетъ,

И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаніи,
И только ждетъ, безъ дальныхъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верьхъ въ небесный край,
И прямо поставовитъ въ рай;
А тамъ Амуръ явитъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взять обѣихъ ихъ въ супруги.

Услышавъ толь приятну рѣчь,
Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впречь,
Въ богаты платья нарядились;
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обманъ,
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины,
Спѣшили броситься въ стремнины.
Но ихъ Зефиръ потомъ на верьхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ;
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь только головы себѣ летя сломали.

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный Богъ,
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась,
И свѣдавъ что она,
Отъ всѣхъ удалена,
Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ Богамъ о томъ сполна:
Донесъ, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было наконецъ дозволено ему,
Открытно самому,
Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ
Предметъ любови постоянной!
Нещастна Душенька, въ печали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать съ начала,
Что Душенька тогда лежала;
Но бокомъ иль ничкомъ,
Спала или дремала,
Не вѣдаю о томъ,
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю, что она лежала на фатѣ,
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;

А часть оставшая являлась въ красотѣ
На зрѣлище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когдабъ любовный Богъ
О точности вещей имѣть сумнѣнье могъ.
Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И руку у нея подшедши цѣловалъ,
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ.
А только вѣдомо всему земному кругу
Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу,
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ;
И всюду слово въ слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
„Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
„Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ какъ дымъ,

„Но красоту души ничто не измѣняетъ;
„Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ„.

Слова сіи Амуръ твердя по всюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и Богамъ,
А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку представилъ,
Котору въ чернотѣ дурною онъ не ставилъ.
Юпитеръ покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ нравъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька былабъ всегда его четою.
Сама Богиня красоты,
Изъ жалости тогда иль нѣкакой тщеты,
Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила.
Небесною она росой ее умыла:
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежъ сего была.
Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,
И Боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочетали.
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ какъ мать,
Но какъ ее назвать,

